

sredstvami: voprosy teorii i praktiki. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. (In Russ.).

6. Пелипенко Р.С. О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 4. [Pelipenko R.S. O dekriminalizatsii klevety i oskorbleniya // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2012. № 4. (In Russ).].

7. Петухов И.Я. Преступления против чести и достоинства личности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2 (74). [Petukhov I.YA. Prestupleniya protiv chesti i dostoinstva lichnosti // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. 2020. № 2 (74). (In Russ).].

УДК 340; 13
ГРНТИ 10

8. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. [Tikhonova S.S. Prizhiznnoye i posmertnoye donorstvo v Rossiyskoy Federatsii: voprosy ugovovno-pravovogo regulirovaniya. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. (In Russ).].

9. Фридрих Шиллер. Биография // МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20200608/1572644325.html> (дата обращения: 02.09.2020). [Fridrikh Shiller. Biografiya // MIA «Rossiya segodnya». URL: <https://ria.ru/20200608/1572644325.html>. (data obrashcheniya: 02.09.2020). (In Russ).].

СПЕЦИФИКА НОРМ И ПРАВИЛ

Трынкин Вадим Владимирович

*Канд. филос. наук,
доцент кафедры философии и теологии,
г. Нижний Новгород*

АННОТАЦИЯ

В статье предпринят анализ норм и правил в законодательстве с двух позиций – юриспруденции и философии права. Выявлено соотношение нормы и закона на фоне законопорядка. Определено, что нормы не может быть значимее закона, а отдельный закон уступает законопорядку. Выявлено предназначение закона, которой связанос функцией принуждения. Высказано мнение, что данное предназначение закона малопродуктивно. Изучено отношение юриспруденции к регулятивной функции закона, определено, что закон данной функцией не обладает. Определено отношение к субъектной функции закона, выяснено, что такой функции у закона нет.

ABSTRACT

The article analyzes the norms and rules in legislation from two positions - jurisprudence and philosophy of law. Revealed the ratio of norm and law against the background of law-making. It has been determined that norms cannot be more significant than a law, and a separate law is inferior to the rule of law. Revealed the purpose of the law, which is associated with the function of compulsion. The opinion was expressed that this purpose of the law is unproductive. The relation of jurisprudence to the regulatory function of the law is studied, it is determined that the law does not have this function. The relation to the subjective function of the law is determined, it is found that the law does not have such a function.

Ключевые слова: норма, закон, законопорядок, предназначение, регуляция, субъектность

Key words: norm, statute, legal order, purpose, regulation, subjectivity

Ряд специалистов юриспруденции рассматривает закон в виде широкого нормативно-государственного устройства. Даже отдельная норма закона превращена в своеобразное архэ юридического знания. Норме приданы качественные характеристики, связанные как с социальной действительностью, так и с фундаментальным совмещением свободы и порядка. Философской мысли известна аксиома: целое всегда больше и значительней части, тем более – её отдельного его элемента. Юридическая норма – только отдельный элемент законодательства. В общем состоянии проявляется не норма, не отдельный закон, а общее законодательство. Возводя в культ отдельную норму, можно из-за травинки не увидеть горы. Поле мнений в юриспруденции многообразно. Не все готовы превращать норму в своеобразного бога

закона. Есть те, кто изучает нормы и правила, учитывая их масштаб на фоне законодательного поля в целом [см. 4, с. 48]. В статье предстоит выяснить соотношение норм, правил и специфики законодательства.

Важна суть норм. Известны технические нормы, придающие производственному процессу чёткость и слаженность. Они способствуют направленности действий, предупреждают от опасностей, увечий, способствуют сохранности оборудования. Хотя их именуют нормативами. В отношении к людям понятие «норматив» уже не применим, сохраняясь лишь в спортивных состязаниях. В мире людей поведение регламентируется правилами и нормами. Поэтому, когда предлагается делить нормы на технические и социальные [см. 8, с. 19], к техническим нормам

более применим термин «норматив», тогда как социальные процессы регламентируют нормы. Учитывая малый размер и единичное свойство норм, неправомерно предполагать, будто в отдельной норме отражаются типичные социальные связи и отношения, охватывающие большинство людей, как считает специалист [см. 8, с. 15]. Какую-то типичную форму поведения людей более адекватно выражает ряд норм конкретного вида закона, либо ряд его статей. Норму, я полагаю, можно рассматривать, как *внутреннюю долю* закона, регламентирующую фрагмент того или иного целостного действия. *Доли-нормы* входят в отдельную *меру*, оценивающую *право-мерность* действия или поступка. Главная особенность норм заключена в градации поступков, предписанных или обязательных для исполнения.

Возможно опасение, что закон, разделённый на доли-нормы, чрезмерно дробится. Такое опасение напрасно. К примеру, в п. 5. ст. 13 Конституции РФ записано: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». К долям-нормам противоправных *деяний* относятся: а) создание вооружённых формирований, в) разжигание того или иного вида розни. Иногда *долями-нормами* становятся отдельные подпункты в пунктах. В частности, пункт первый ст. 17 Конституции РФ делится на два подпункта: первый признаёт и гарантирует права; второй – признаёт и гарантирует свободы человека и гражданина. То же самое происходит со вторым пунктом. В нём в пункте первом гарантируются: а) неотчуждаемые права; во-втором: в) неотчуждаемые свободы. Суть в том, что деление тех или иных законов и прав на *доли-нормы* происходит естественным путём в процессе правотворческой деятельности. Не обращай юрист внимания на доли-нормы закона, многие его подробности могут оказаться упущенными.

Важен приоритет между нормами и законом. Традиция юриспруденции связана с ориентацией на нормы, как основной тип правоотношений. Хотя сама словесная форма «правоотношение» предполагает первичность права (закона) в отношении к нормам. Да и в чисто в субординационном плане, при всей неразрывности норм и закона, закон всегда оказывается вместилищем норм, а не наоборот. В этой связи, есть смысл сменить приоритет, перенаправив его в сторону закона: лишь закон, а не просто норма, разрешает, предписывает, запрещает те или иные действия, а также наделяет полномочиями тех или иных субъектов действий и дел. Лишь после они совершают, либо не имеют возможности совершить, либо полномочны предпринимать весьма те или иные конкретные деяния. Благодаря

совокупности законов общество получает возможность организоваться или самоорганизоваться.

Закон и нормы не существуют сами по себе, они имеют определённое предназначение, отвечающее на вопрос: зачем они? Вопрос о предназначении можно задавать только в отношении к создаваемому закону, поскольку естественное и обычное право давно существуют, отвечая на фундаментальные потребности людей. Как решается проблема предназначения иных закона и норм в юриспруденции? Г. Кельзен вопроса о предназначении закона и норм формально не задаёт, создавая ситуацию долгого бытия закона тогда, когда человека, его создавшего, давно нет [см. 6, с. 20] Естественно, лицо, создавшее закон, не знает, с какой целью будет он применяться в отношении других людей в будущем, да и будет ли он применяться вообще. Одновременно им рассматривается использование закона, когда ему специально придаётся обратная сила. Речь он ведёт о революционном правительстве, принимающем меры по отмене законов прежнего правительства. То, прежнее правительство, также стремилось использовать закон для пресечения, как считалось, преступных действий революционной партии [см. 6, с. 24]. Предназначением закона в примерах Кельзена оказывается использование его в крайне жёсткой форме в отношении к противоборствующим политическим силам.

Михайловский также формально не обозначает целевой функции закона. Он фиксирует лишь факт отличия закона от акта произвола, а далее вводит необходимость одинаковой обязательности закона для всех, даже для представителей власти. Он отмечает также, что акт произвола создаёт максимум обязанностей для подданных, будучи совсем не обязателен для власть имущих [см. 10, с. 60]. К сожалению, отмеченный им принцип предназначения закона не является общепринятым: в первом случае закон совсем не обязателен для всех, будучи создан по приказу властителей и для их целей; во втором случае произвол со стороны чиновников ими самими рассматривается, как законом предписанное деяние, на которое они имеют все права. Потому он обязателен только в отношении к гражданам. То есть, произвол именуется совсем не произволом, а самым настоящим законом.

В одной из современных работ указано предназначение закона. Им считается его как бы государственное повеление и властно-регулятивная функция [см. 1, с. 59]. Тем самым, некое безликое государство, вроде бы, обладает непонятной чьей волей и занято властным регулированием. Непредвзятому сознанию такая трактовка предназначения закона не кажется убедительной. Другой специалист, используя вместо понятия «закон» понятие «норма» (типичное словоупотребление), вроде бы сам лично воспринимает такую норму (в реальности – закон), как форму властного предписания, как требование,

обращённое к должному поведению людей. Сюда включается и ведомый действиями людей порядок вещей, предметов, состояний, процессов [см. 9, с. 737]. Из этого описания, с учётом произведённых корректировок, ясно, что закон в юридическом сознании предназначен только для создания ряда требований, предписаний, принуждения, чёткой регламентации поведения людей.

Михайловский, также используя понятие «юридические нормы», подразумевает их предназначение, как фактор, обеспечивающий безусловно обязательное их исполнение. Поэтому, полагает он, закон содействует сплочению общества в одно целое [см. 10, с. 55-56]. Стоит помнить, что в его концепции обязательность закона, в отличие от произвола, распространяется также на действие самих властей, причём, неисполнение закона влечёт за собой применение санкций в отношении к лицу, вне зависимости от его чина [см. 10, с. 57]. В государствах, где нет принципиальной разницы между лицами властными и теми, кто не обладает властными полномочиями, санкции в отношении к чиновникам даже высокого ранга применяются без ограничений в полной мере, если тому есть объективные причины.

Традиция юриспруденции такова, что основополагающее предназначение закона большинство юристов прошлого и настоящего связывает с фактором его принудительности, что есть и у специалиста [см. 16, с. 306]. Хотя многие процессы в жизни развиваются нередко по собственным маршрутам, ещё или вовсе не прописанным в законе. И тогда на скамью подсудимых попадают, например, матери, стремящиеся спасти своих детей от сильных болей препаратами, которые закон по старинке отнёс к наркотическим средствам. Творческие люди часто создают новые правила, которых ранее не было в законе. В таком случае закон препятствует не только внедрению, но даже появлению не санкционированной им идеи. Человек творческий, по этой причине, часто находится на волоске: быть наказанным за проступок, либо создавать неожиданное открытие в полной отдалённости от закона. Такое предназначение закона вряд ли является продуктивным и перспективным, несмотря на общепризнанность.

Недоумение возникает в связи с приписыванием закону регулятивной функции. Регуляция – функция властного субъекта. Соответственно, она не должна быть приписана закону. Но немало специалистов позитивного права неоглядно верят в его регулятивные возможности, в результате чего закон предстаёт в виде некоего самостоятельного субъекта действий. Насколько данная точка зрения правомерна? Право, согласно позиции Ильина, способно осуществлять свою цель вместе с предназначением, вроде бы само по себе, устанавливая позволения, воспрещения и повеления. В результате инициатив со стороны права, каждому позволению начинает соответствовать полномочие, теперь уже

распространяющееся на реальных субъектов действия – членов союза; каждому воспрещению соответствует запретность, также относящаяся к людям; наконец, каждое повеление влечёт за собой обязанность его исполнять [см. 5, с. 136]. Ситуация приобретает парадоксальный вид: словно оживший закон сам руководит людьми. Может быть, такое отношение к закону случайно оказалось в одном из текстов и нигде более не встречается? Но нет, другой специалист также настаивает, что функции закона являются способами правового воздействия на общественные отношения [см. 11, с. 89]. Фактически закон в своём объективном виде предстаёт в виде совокупности текстов. По какой же причине он преобразуется в субъекта фактического воздействия на людей? Может быть, из-за невнимательности? В любом случае, вопрос для юридического сознания, вроде бы, давно решён, так как субъектность, как оказывается, принадлежит не только позитивному праву, но даже его нормам. Нормы, как выясняется, не просто организуют и упорядочивают фактическую среду, они, что непостижимо, создают факты, связывают их между собой, комбинируют и рекомбинируют их состав. Наконец, нормам дана возможность упразднить факты, как обо всём этом повествует Г. Мальцев [см. 9, с. 529]. Более того, согласно ещё одной точке зрения всякий социальный закон предстаёт, ни много, ни мало, в виде формы управления деятельностью людей, как считает В. Граждан [см. 2, с. 95].

Способен ли закон, при всей его предполагаемой универсальности, быть субъектом действия? Вопрос для отстранённого сознания вполне очевиден, так как ни один здравомыслящий человек не превратит совокупность текстов в одушевлённое активное начало. Но как только закон начинают описывать специалисты юриспруденции, он словно оживает. Ведь, только оживший закон, превратившийся в реального субъекта действия, способен сам предоставлять полномочия, повелевать и воспрещать, воздействовать на общественные отношения. То же самое относится к нормам: сами по себе они никакие факты создать не могут. Нормы также не в состоянии связать факты, подвергнуть комбинации или рекомбинации их состав. Наконец, нормы сами по себе никак не могут упразднить факты. Все эти действия совершают люди посредством мышления и воли, а нормам отводится роль лишь инструментальной регламентации и упорядочивания сознательно-волевых поступков населения. И уж разумеется, никакой закон сам по себе, социальный он или нет, не обладает возможностью управлять деятельностью людей. Итог прост: функция субъектности ни закону, ни его нормам не принадлежит; сами законодательные формы подобным свойством обладать не могут. Все они сохраняют форму изданных законодательных актов, брошюр, кодексов, находящихся в библиотеках. Тем не менее, представление о субъектной природе права, охарактеризованное выше, является вовсе не

случайным, и воссоздаётся оно юридическим сознанием постоянно.

Парадоксален Ильин, у которого закон в выше изложенной позиции неожиданно ожил. В другом месте той же книги он с полным сознанием дела пишет, что законы (и нормы внутри них) специально создаются властными, правящими органами. То же происходит с последующим придумыванием и созданием подчиненных и дополнительных норм, которые в итоге, получают словесную формулировку, а после признание со стороны их применяющих органов [см. 5, с. 165]. В данном случае всё с безусловной ясностью оказывается на своих местах, так как очевидны конкретные субъекты создания и субъекты применения закона. А само позитивное право во всех этих действиях, что также очевидно, людьми создаётся и после ими же применяется. Но буквально на той же странице Ильин пишет о законе, на который не в состоянии посягнуть и который не может отменить правительство. Наоборот, закон самостоятельно отменяет и изменяет правительственное распоряжение. То есть, отменить или изменить этот как бы универсальный закон может только другой закон. В данном варианте, непосредственно примыкающем к предыдущему, органы власти, создавшие закон, и те, что его применяют, словно исчезли, а закон вновь приобрёл субъектность вместе с самостоятельностью, причём, закон получает возможность отменить даже распоряжение правительства. Хотя, повторю, взаимодействуют на правовом поле субъекты власти – основные (в виде верховной власти, создавшие главный закон), и подчинённые им (даже на уровне правительства). Законодательное поле оказывается между ними в виде своеобразного нормативного инструментария и используется оно более сильной стороной против стороны, ей подчиняющейся. Понятно, что Ильин использует сложившуюся практику словоупотребления, когда юристами подчёркивается значимость закона, на который не смеют покушаться никто, даже правительства. Хотя такой вид подчёркивания значимости закона, повторённый многократно, перетекает в свою противоположность: фактор подчёркивания значимости исчезает, на первое место выдвигается закон, как субъект действия. В реальной жизни, совсем не закон отменяет распоряжение правительства, это делает только более высокая, верховная власть, решившая, что правительство нуждается в изменении деятельности. Закон – лишь безличная форма, используемая в этом действии.

Лишь изредка отношение к закону, как к тексту правил и норм, проглядывает с достаточной ясностью. Так, согласно Б. Чичерину, господствующая власть, создавая основной закон, формулирует в нём условия высшего правового порядка. На основании этого главного закона ответственные лица определяют права и обязанности граждан [см. 14, с. 12]. В данном случае очевидна субординация, выстраиваемая верховной властью в отношении ко всем остальным

субъектам управления, а нормы закона, как главного, так и второстепенных, лишь закрепляют и способствуют распространению этого властного посыла. Ещё более прозрачно определена роль закона в другом фрагменте. В нём за нормами закона сохраняется лишь возможность содержать в себе модель законодательных отношений, но в ней нет субъектности, как нет возможности регулирования поведением людей [см. 12, с. 90].

Далеко не всё ясно с проблемой регулирования, которое часто именуют правовым. Регулирование в жизни практически всегда связывают с деятельностью лица, отвечающего за координацию процессов. В теории позитивного права регулированию придан во многом иной контекст. Традицию такого понимания заложил Аристотель, посчитавший право регулирующей нормой политического общения [см. 1, 1253a35]. Великие умы прошлого многих тонкостей, до которых сумела добраться последующая мысль, предусмотреть не могли. Так и в данном случае – мнение Аристотеля явно не выглядит точным с позиции современных представлений. По моему мнению, он в одном тезисе совершил две оплошности: во-первых, отождествил право с нормой, хотя это не так, что уже стало ясно; во-вторых, превратил право в некую регулирующую инстанцию. Стал ли тезис Аристотеля образцом для последующих специалистов по теории позитивного права, либо они самостоятельно пришли к данному утверждению, судить трудно. Однако мысль о регулирующей способности права фактически принята подавляющим большинством умов, пишущих о позитивном праве. Г. Кельзен, к примеру, представляет закон в виде нормативного условия упорядочивания поведения людей, что вполне соответствует сущности законопорядка. Хотя тут же приписывает ему фактор регулирования человеческим поведением [см. 6, с. 14]. Е. Трубецкой также считает право порядком, регулирующим отношения людей в человеческом обществе [см. 14, с. 5]. В. Хропанюк уже норму права воспринимает в виде регулятора, причём, типового общественного отношения, образующего первичный элемент системы закона [см. 15, с. 288]. У Ю. Ершова законодательство, выражая ценностные основания государственной политики, ни много ни мало, регулирует деятельность государственных органов, причём, непосредственно [см. 3, с. 100]. Примеров такого рода можно было бы приводить множество.

Суть вопроса такова: способно ли право быть регулятором поведения людей, или эта функция является принадлежностью иной инстанции? Влиятельными лицами во все времена являлись и являются представители органов власти. Полномочия на управление (неточным синонимом чего является регуляция) наиболее существенными социальными процессами принадлежат именно им. В современности никто не сомневается, когда говорят: властное лицо управляет. Можно использовать смягчённый синоним: властное лицо осуществляет регуляцию. В обоих случаях фактор

управления и регуляции произведен от сознания и воли властного лица. При переходе к закону суть основных субъектов управления и регулирования фактически никуда не исчезает. Юристам прекрасно известно: любое серьёзное законодательное установление исходит от правителя. Следовательно, главным регулятором большинства основных правовых установлений является именно он. Что произошло с юридическим сознанием, которое словно стёрло основной источник и главного субъекта управления (регуляции), передав эту функцию закону?

Отмечу, что в ряде текстов, коих очень немного, фактический субъект управления (регуляции) никуда не исчез. Тихомиров, к примеру, точкой отсчёта для процесса регулирования считает волю. Хотя возможны уточнения по принадлежности этой воли то ли властителю, то ли народу, то ли их совместному их ведению. Тем не менее, именно силой и осмысленностью воли формируется необходимый нормативный тезаурус, становящийся основой законов и иных правовых актов. Только воля, и ничто иное, также утверждает он, предопределяет собой интересы структур и социальных слоев, управомоченных принимать правовые акты и «одушевлять» другие формы права. Верно отмечается и то, что волеизъявлений в государстве немало, среди которых есть те, что способны и готовы к саморегулированию [см. 13, с. 113-114]. Такая чистота понимания регулирующего начала – редкость. В ряде текстов терминология дублируется, признавая наряду с управлением, осуществляемым властными лицами, регулятивную функцию, относимую уже к закону. В частности, тот же специалист рассуждает о пределах регулирования поведения людей с помощью законов и иных нормативных актов. Законодательные формы, тем самым, словно вернули себе регулятивную функцию. Хотя чуть далее специалист уточняет, что наряду с законом, в регулятивные процессы вмешиваются также органы государства [см. 13, с. 76]. Субъектов регуляции в данном месте в той же книге у Тихомирова стало два: органы государственной власти и позитивное право. Если основным субъектом любых регулятивных процессов является осмысленная воля, значит, формы отношения закона к взаимоотношениям людей должны быть чем-то иным. Может быть, внутри общей сущности закона есть такая, которой всё же присущи процедуры регулирования? Скажем, есть устойчивое мнение, что уж административному праву наверняка присуща регулятивная функция. И лишь благодаря ей данный вид права создаёт правовой режим организаций и даже правовой режим органов исполнительной власти [см. 7, с. 14]. По какой-то причине юридическое сознание, наделяя закон функцией регулирования, словно не замечает, что последнее является синонимом функции управления? По данной логике, закону следовало бы приписать и управленческую функцию. На это действие никто не решается. Хотя специалисты

юриспруденции фактически пишут о том же самом, когда утверждают, что закону принадлежит регулятивная функция.

Г. Мальцев расширяет источник регулирования до состояния всей человеческой психики [см. 9, с. 116], что размывает душевное средоточие любых решений, каковым является душой направляемая воля. Другой специалист предпринимает опыт анализа понятий «правовое воздействие» и «правовое регулирование». Правовое регулирование сводится к системе правовых средств, тогда как правовое воздействие – к психологическому, идеологическому влиянию закона на общество [см. 11, с. 89]. И вновь всё словно возвращается на круги своя: закон оказывается регулятором, закону принадлежит способность воздействия на людей, и т.д., и т.п. Таким образом, в текстах юриспруденции на закон возложены несвойственные ему функции, обусловленные применением к нему характеристик, присущих лишь субъектам действия (власти или народу), обладающими мышлением и волей.

Закон, преобразованный в законодательный порядок, при всех возлагаемых на него надеждах, был и остаётся всего лишь незримой системой правил и норм. Им могут следовать, их могут исполнять или не исполнять, ими могут даже пренебречь – само нормативное поле законодательства отреагировать на такие действия не в состоянии. Субъектам действия противостоят и на них воздействуют только более сильные субъекты, использующие для этой цели волевые акты. Система норм лишь виртуально продлевает теперь уже виртуальную регламентацию (а не воздействие) на широкое пространство человеческих отношений. В этой связи, никакой регулятивно-динамической функции у закона нет и не может быть. Во всех определениях функций закона (и права) гораздо более точным будет утверждение, что закон *способствует* нормативными средствами укреплению, или развитию, или пресечению тех или иных отношений. Данное правило распространяется также на административное право, которое максимум способно лишь на то, чтобы нормативно *обеспечивать* акты и постановления исполнительной власти. В этой связи, важнейшей функцией закона может быть *нормативное способствование или обеспечение* регулирования взаимоотношений. Основными функциями закона в таких процессах можно считать функции *регламентации, нормирования*, но не более того. Все остальные приписываемые ему функции: наделение полномочиями, установление, предписание, запрет – являются осмысленными волевыми актами той или иной одушевлённой инстанции (Бога, правителя, народа).

В более развёрнутом виде такое соотношение выглядит следующим образом: закон (как и указ), предполагающий наделение полномочиями какого-то лица, может существовать в латентном виде, как заготовленная форма, ещё не нашедшая

применения. Как только кто-то начинает использовать эту законодательную форму, наделяя полномочиями конкретного субъекта, закон слегка словно оживает. Он обретает себя полностью лишь тогда, когда наделённый полномочиями субъект начинает эти полномочия применять. С этого момента данная форма закона очерчивает контуры и способы его действия. Аналогична законодательная форма запрета. Постоянно она также существует в латентном виде, как некая заготовка. Но как только ею начинает пользоваться субъект – тот же регулировщик на перекрёстке – она также задаёт формы, способы, а также пределы действия водителей. Хотя предельно действенным, остаётся сам регулировщик, разрешая или запрещая двигаться потоку автомобилей по доступной ранее улице. И так происходит с каждой законодательной формой. Таким образом, во всех случаях условной активизации законодательных форм первостепенная роль всегда принадлежит субъектам действия, а не странной законодательной регуляции.

Список литературы:

1. Аристотель. Соч. в 4-х тт. – Т. 4. – М., 1983. – 832 с. [Arystotel'. Soch. v 4-h tt. – Т. 4. – М., 1983. – 832 s.]
2. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2007. – 496 с. [Grazhdan V. D. Gosudarstvennaja grazhdanskaja sluzhba. 2-e yzd., pererab. y dop. – М.: KNORUS, 2007. – 496 s.]
3. Ершов Ю. Г. Философия права. – Екатеринбург: Изд-во Уральской академии госслужбы, 2011. – 240 с. [Ershov Ju. G. Fylosofyja prava. – Ekaterynburg: Yzd-vo Ural'skoj akademyy gossluzhbyu, 2011. – 240 s.]
4. Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 548 с. [Zakomlystov A. F. Jurydycheskaja fylosofyja. – SPb.: Yzdatel'stvo «Jurydycheskij centr Press», 2003. 548 s.]
5. Ильин И. А. Теория права и государства. – Издание 2-е. – М.: «Зерцало», 2008. – 346 с. [Yl'yn Y. A. Teoryja prava y gosudarstva. – Yzdanye 2-e. – М.: «Zercalo», 2008. – 346 s.]
6. Кельзен Ханс Чистое учение о праве. 2-е изд. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-пресс», 2015. – 542 с. [Kel'zen Gans Chystoe uchenye o prave. 2-e yzd. – SPb.: ООО Yzdatel'skij Dom «Alef-press», 2015. – 542 s.]
7. Козлов Ю. М. Административное право. – М.: Юристъ, 1999. – 320 с. [Kozlov Ju. M. Admynustratyvnoe pravo. – М.: Juryst#, 1999. – 320 s.]
8. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. – М.: Наука, 1982. – 287 с. [Kudrjavcev V. N. Pravovoe povedenye: norma y patologyya. – М.: Nauka, 1982. – 287 s.]
9. Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 800 с. [Mal'cev G. V. Sotsyal'nyye osnovanyya prava. – М.: Norma: YNFRA-M, 2011. – 800 s.]
10. Михайловский А. В. Очерки философии права. Т. I. – Томск: Издание книжного магазина М. В. Посохина, 1914 г. – 604 с. [Myhajlovskij A. V. Ocherky fylosofyu prava. T. I. – Tomsk: Yzdanye knyzhnogo magazyna M. V. Posohyna, 1914 g. – 604 s.]
11. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. – 392 с. [Obshhaja teoryja gosudarstva y prava: uchebnyk / pod red. S. Ju. Naumova, A. S. Mordovca, T. V. Kasaevoj. – Saratov: Saratovskij sotsyal'no-ekonomycheskij ynstytut (fylyal) RЭU im. G. V. Plehanova, 2018. – 392 s.]
12. Пермяков Ю. Е. Философские основания юриспруденции. – Самара: Самарская гуманитарная академия. 2006. – 287 с. [Permjakov Ju. E. Fylosofskiye osnovanyya jurysprudencyu. – Samara: Samarskaja gumanytarnaja akademyja. 2006. – 287 s.]
13. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. – 400 с. [Tyhomirov Ju. A. Pravovoe regulirovanye: teoryja y praktyka. М.: Formula prava, 2008. – 400 s.]
14. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права / Вступ. ст., сост. и примеч. И. И. Евлампиева. – СПб.: Издательство РХГИ, 2001. – 543 с. [Trubeckoj E. N. Trudy po fylosofyu prava / Vstup. st., sost. y pryemch. Y. Y. Evlampyeva. – SPb.: Yzdatel'stvo RНGY, 2001. – 543 s.]
15. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. – М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008. – 384 с. [Hropanjuk V. N. Teoryja gosudarstva y prava. – М.: Yzdatel'stvo «Ynterstyl', «Omega-L», 2008. – 384 s.]
16. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с. [Chestnov Y. L. Postklassycheskaja teoryja prava. Monografyya. – SPb.: Yzdatel'skij Dom «Alef-Press», 2012. – 650 s.]